

Геополитический треугольник “Россия – США – Китай” и Центральная Азия

Алмаз Имангазиев

Среди политологов уже давно сложилась тенденция к применению терминов, обозначающих геометрические фигуры, для характеристики разнообразных схем отношений, в которые вступают – в действительности или только в воображении исследователей – геополитические акторы-государства*.

Первой такой фигурой, очевидно, стала печально известная “ось Берлин – Рим – Токио”. Такое название дали не политологи, а сами ее создатели – руководители нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии. Тогда, впервые примененный, этот термин еще не имел заведомо негативного оттенка.

Гораздо труднее определить, кто первым ввел такие политологические термины как “центр силы” или “полюс мощи”. Но этими терминами оперировали даже представители советской политологии, хотя в СССР такая наука до “перестройки” официально не признавалась.

Однако понятие “центры капитализма” попало даже во внешнеполитические разделы отчетов ЦК КПСС съездам партии.

В то же время в советской политической науке СССР определялся как оплот мировой системы социализма, противостоящей мировой системе капитализма во главе с США.

Не использовался для характеристики тогдашней системы международных отношений и термин “биполярность”, ибо характеризовал выдвигавшуюся и западными, и тогдашними китайскими политологами теорию “двух сверхдержав”.

В любом случае обозначение геополитических центров и связей между ними имеет достаточно долгую традицию. До 1991 г. главной такой фигурой была ось противостояния СССР и США с союзниками – в системе биполярного мира. Внут-

* Термином “акторы” обозначаются силы, действующие на мировой арене. В течение длительного времени данный термин был синонимичен государствам, однако в последние два десятилетия среди политологов получает все большее признание мнение, что к таковым следует относить также и транснациональные корпорации, международные неправительственные организации, наиболее крупные религиозные конфессии и т.д.

ри же мировой капиталистической системы и западные, и советские политологи четко выделяли треугольник США – ЕС – Япония. На Западе считали фактом наличие внутри социалистической системы двух неравновеликих полюсов: СССР и Китая.

Распад Советского Союза ознаменовал завершение биполярного противостояния двух мировых социально-экономических систем. Он привел к возникновению на постсоветской территории целого ряда новых суверенных государств. И он же вызвал резкое нарушение прежнего баланса сил и привел к появлению новых опасностей и угроз, став, по определению Президента России В.В.Путина, “геополитической катастрофой”.

Единственными, кто, казалось, выиграл от этой катастрофы были практически США. Другие “центры силы”, такие как Китай, арабские страны, Индия, лишились возможности лавировать между двумя сверхдержавами так, как это было возможно в рамках биполярной системы.

Они вскоре почувствовали на себе склонность, не встречающей серьезного противодействия, Америки к односторонним акциям.

Однако мир не стал однополярным. “Последняя сверхдержава” оказалась не способной контролировать все и вся, несмотря на свое экономическое, военное и технологическое превосходство над остальными “центрами силы”.

Что же представляют собой эти “полюса” и “центры силы”?

На эту тему уже написано немало в последнее десятилетие и в России, и за рубежом.

Геометрический подход к геополитике по-прежнему остается чрезвычайно популярным. Однако единства в понимании принципиальных различий между “полюсами”, “центрами силы” и “просто” великими державами до сих пор не наблюдается.

В этой связи прежде всего вспоминается теория “столкновения цивилизаций”, изложенная в одноименной работе американского исследователя С.Хантингтона. Она представляет интерес в плане выделенных им типов существующих цивилизаций, явно сделанное на базе классификации, предложенной 100 лет назад британским историком А.Тойнби в его фундаментальном труде “Постижение истории”.

Представляется, однако, что далеко не все идентифицированные в настоя-

щее время “цивилизации” могут претендовать на статус “центров силы” или “полюсов” современного мира.

Так, африканская и латиноамериканская цивилизации сразу же отпадают из числа претендентов примерно по одним и тем же причинам – экономическая слабость большинства этих стран, низкий уровень хозяйственной интеграции, наличие межгосударственных и внутренних споров и конфликтов, в том числе вооруженных, отсутствие единой внешнеполитической линии и, тем более, политики в области обороны и безопасности.

Хотя у некоторых современных политологов иногда прослеживается соблазн считать одним из таких полюсов исламскую цивилизацию, но она вряд ли может определяться в качестве такого.

Действительно, количество мусульман в мире превышает миллиард, но в их число входят и сунниты с шиитами. Их неспособность к сотрудничеству между собой наглядно проявилась и во время ирано-иракской войны, и в настоящее время в Ираке.

Африканские мусульмане, которых в одной только Нигерии проживает свыше ста миллионов, отнюдь не испытывают особой солидарности в отношении живущих в Африке арабов.

Сюда же входят примерно 300 млн. мусульман – обитателей Юго-Восточной Азии. Они в целом далеко не во всем придерживаются порядков, существующих, например, в Саудовской Аравии и Иране, и привержены существенно более “мягкого” толкования ислама.

Наконец, есть примеры ожесточенных конфликтов между самими мусульманами-суннитами – хотя бы борьба за власть между ХАМАС и ФАТХ в Палестинской автономии.

Индия за последние десятилетия достигла огромных высот и в экономическом развитии, и в создании научно-технологического потенциала, и в военной сфере, располагая в настоящее время и ракетным, и ядерным оружием, причем в последнем случае “законные” ядерные державы, являясь членами Совета Безопасности ООН, фактически смирились с этим, молчаливо признав право Индии и одновременно Пакистана на обладание таким оружием. На международной арене она проводит самостоятельную политику, умело используя меняющуюся глобальную ситуацию.

В то же время Индия все время нуждалась в сильном партнере, каковым для нее на несколько десятилетий стал СССР.

Иначе говоря, она в отличие от США, СССР и Китая не могла сколько-нибудь длительное время действовать автономно.

США, например, в течение четверти века после Второй мировой войны (с начала “холодной войны” и до 1971 г.) противостояли одновременно СССР и Китаю, а СССР, в 60–80-е годы противостоял и США, и Китаю. Китай с начала 60-х и до начала 70-х годов, фактически также противостоял и США, и СССР¹.

Однако ни Индия, ни любая иная из остальных крупных стран оказались не способны на такой “подвиг”.

Учитывая это, можно высказать предположение, что признаком *реальной мирового полюса* можно считать – в числе прочего – и его способность в течение хотя бы десятилетия (как в случае с КНР) выдерживать конфронтацию с другими полюсами, не имея ни одного из них в качестве союзника.

Япония уже давно по праву считается одним из “центров” мировой экономики. Но на этом ее претензии на роль полюса в целом исчерпываются.

В технологическом плане достижения японских инженеров широко известны, но в основном в форме все новых и новых “умных” бытовых приборов. Однако, как и 40 лет назад, когда японские компании завоевали мировые рынки своими миниатюрными транзисторными приемниками, кинокамерами и малолитражками, все эти достижения базируются на прорывах в области фундаментальных наук, достигнутых не в самой Японии.

У Японии есть свои вооруженные силы – Силы самообороны, располагающие современной боевой техникой, а их Управление в начале 2007 г. даже получило более высокий статус министерства. И все же в военном плане Япония уже шесть десятилетий полагается на американский “ядерный зонтик” как главную гарантию сдерживания гипотетически масштабного нападения со стороны первоначально СССР, а затем и Китая.

Таким образом, будучи в экономической сфере партнером-соперником США, в военно-политическом плане она, безусловно, является их младшим партнером, но никак не самостоятельным “центром силы”.

Более сложно дать в этом смысле определение положению Европейского союза. Давно прошли времена, когда Европа (тогда Западная) по всем параметрам уступала США. Ныне объединенная Европа превосходит Америку не только по населению и объемам торговли, но и по объему совокупного

ВВП, и даже по суммарной численности вооруженных сил стран-членов.

Европейцы еще со времен Ш. де Голля стремятся проводить собственный курс, что периодически приводит к разногласиям с США, как это имело место со стороны Франции, Германии и некоторых других стран при принятии решения о проведении операции по свержению Саддама Хусейна.

Хотя в рамках Евросоюза ведется большая работа по формированию собственной идентичности в сфере внешней политики, обороны и политики безопасности, однако он пока еще далеко отстает от США в военном отношении.

В этой связи в вопросах обороны объединенная Европа даже после своего расширения на Восток по-прежнему зависит от Соединенных Штатов – бесспорного лидера НАТО².

Более того, война в Югославии в конце 90-х годов показала, что европейцы сильно уступают американцам в области современной разведки, логистики, транспортных возможностей.

Они практически не способны проводить вдали от Европы крупные военные операции. Иными словами, Евросоюз пока не способен “проецировать” свою военную мощь за пределы региона. И, наконец, как и в случае с Японией, представить вооруженный конфликт ЕС с США невозможно даже гипотетически.

Таким образом, в современном мире остаются лишь три полностью самостоятельных полюса, но их потенциалы также неравноценны.

Можно сказать, что при безусловном первенстве КНР по населению, а России – по территории, в финансово-экономическом отношении абсолютным лидером в этой “тройке” являются Соединенные Штаты.

Их ВВП превышает 15 трлн. долл. против 1 трлн. у России и 2 трлн. у Китая.

Они обладают колоссальными объемами внешней торговли и инвестициями – американскими за рубежом и иностранными в американской экономике.

Лидируют США и в научно-технологической сфере, вкладывая в нее огромные средства, но получая еще больше от реализации патентов, ноу-хау и другой защищенной авторскими правами продукции.

Китай находится пока еще только на стадии наращивания своих современных научных кадров, не жалея средств на обучение талантливой молодежи, в том числе и за рубежом.

В России ситуация во многом, к сожалению, пока противоположная.

Немаловажен и факт информационно-культурного влияния.

Достаточно сопоставить масштабы распространения в мире американских фильмов, музыки, модных поветрий и даже “американского” языка с российским и китайским. Всемирная аудитория американских радио- и телеканалов, типа Си-Эн-Эн, просто несопоставима с аудиторией недавно запущенного для вещания за рубеж российского телеканала “Раша тудей” и с соответствующими китайскими и иностранными СМИ.

Единственная сфера, где не все столь однозначно, несмотря на то, что США расходуют на военные цели на порядок больше и КНР, и России – это военная. Так сложилось, прежде всего, в силу того, что на протяжении десятилетий и СССР, и Китай выделяли на нее суммы, во много раз большие (как доля от ВВП), чем США. В итоге, на настоящий момент здесь сложилась весьма асимметричное соотношение сил. Общеизвестно, что в то время как в области ядерных вооружений – и стратегических, и тактических – между Россией и США пока существует примерный паритет, Китай по данному по-

казателю во много раз отстает от двух других мировых “плюсов”.

По численности вооруженных сил, вернее, по мобилизационному потенциалу, напротив, Китай многократно превосходит и США, и Россию.

Однако следует принимать во внимание и качество обычных вооружений и боевой техники, уровень управления, возможности разведки, в том числе электронной и космической, логистику, транспортные возможности в плане оценки военной мощи. Наконец, имеют значение с трудом поддающиеся количественному измерению такие факторы, как боевой дух и мотивация войск. Чрезвычайно важна и “геополитическая дислокация” вооруженных сил. В то время как ни Китай, ни Россия – после отказа от Лурдеса на Кубе и Камрани во Вьетнаме – не располагают базами за рубежом, США имеют не только базы, но и крупные группировки войск и на западе, и на юге, и на востоке Евразии (в ряде случаев в непосредственной близости от России и Китая). Кроме того, американские ВМС являются на сегодня единственными, господствующими на океанских просторах, тогда как Китай только начинает создавать океанский флот, а российский ВМФ, едва не превратившись в 90-е годы в прибрежный, только начинает восстанавливаться. Следует подчеркнуть, что речь идет не о подводной части “ядерной триады”, а о надводном флоте, включая авианосные соединения, позволяющем США осуществлять “полицейские операции” за тысячи миль от американских берегов. Ни Россия, ни Китай таким потенциалом не обладают³.

В итоге, приходится констатировать, что США являются сильнейшей военной державой, а между Китаем и Россией существует асимметричный примерный баланс: много обычных вооруженных сил, но мало ракетно-ядер-

ного оружия у КНР, и, наоборот – у России.

Однако баланс – еще не синоним возможностей.

Очень и очень многое определяется фактором географического расположения “объектов” потенциальных противоречий.

Например, возможность для несомненно более слабого Китая противостоять Америке несколько выше, например, на Корейском полуострове, чем такая практически отсутствующая у него возможность, к примеру, в Центральной Америке.

Россия имела бы больше возможностей противодействовать США в случае гипотетического конфликта где-то на Кавказе, нежели на Ближнем Востоке.

Вполне естественно, особое внимание после распада СССР Соединенные Штаты уделяли своим отношениям с новой Россией. При этом США рассматривали лидерство России в СНГ как один из главных факторов, мешающих им достичь господствующих позиций на постсоветском пространстве. Все усилия РФ по укреплению отношений с ее партнерами по СНГ вызывали негативную реакцию Соединенных Штатов.

Это говорит о том, что стратегия США базировалась и базируется не на черно-белой, а потому во многом надуманной дихотомии “капитализм-социализм” и даже не на упрощенческом противопоставлении “демократия-диктатура”.

В конце концов, именно в США впервые была произнесена вслух циничная оценка одного проамериканского диктатора из Латинской Америки – “да, он сукин сын, но он наш сукин сын”.

В действительности, американскую стратегию в отношении постсоветского пространства, прежде всего, определяют долгосрочные геополитические соображения, хотя эта стратегия подвер-

жена колебаниям под воздействием конъюнктурных интересов тех или иных соперничающих группировок в американском истеблишменте.

Со своей стороны руководители КНР, как представляется, испытали по поводу дезинтеграции СССР менее однозначные чувства, прежде всего потому, что, несмотря на все конфронтационные моменты прошлого (во многом уже преодоленные благодаря “перестройке” к концу 80-х годов), Советский Союз рассматривался как идеологически близкое государство. Новая же Россия открыто провозгласила курс на капитализм с его демократией и свободным рынком. Кроме того, уже в геополитическом плане Китай не мог не осознать, что теперь он превращается в глазах США в главного их противника на мировой арене. Поэтому практически по тем же соображениям, что и США, из постсоветских государств наибольшее внимание Китай также стал уделять России.

При этом разумеется, и США и КНР отнюдь не игнорировали остальное постсоветское пространство. Однако очевидно, что их интересы были в некоторой степени асимметричными.

По понятным причинам Соединенные Штаты с гораздо большей энергией и при активной поддержке ЕС стали действовать в отношении постсоветских государств, расположенных в непосредственной близости к “зоне ответственности” НАТО.

Одним из наглядных результатов этого стало вступление в НАТО трех бывших прибалтийских советских республик. Помимо этого продолжается работа по вовлечению в евро-атлантические структуры таких стран, как Грузия, Азербайджан и Украина.

Китай все прошедшие годы не проявлял попыток как-то четко обозначить свой интерес – помимо экономического – к европейским и закавказ-

ским постсоветским государствам. Единственным проявлением его позиции по военно-политической ситуации в этих регионах можно считать подписание китайскими руководителями совместно с российскими президентами совместных документов, в которых негативно оценивалось расширение НАТО на Восток. Это вполне объяснимо. У Китая – в отличие от России – здесь отсутствуют сколько-нибудь действенные рычаги влияния.

В то же время ситуация в еще одной части постсоветского пространства, а именно, в Центральной Азии (ЦА) долгое время выглядела иной. Начиная с начала 90-х годов, Китай осуществлял и осуществляет активное экономическое проникновение в ЦА, которое было политически подкреплено созданием Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)⁴.

В то же время и США особенно активно стали действовать в ЦА уже в новом столетии. Конечно, и до этого они осуществляли экономическое проникновение в регион, создавали структуры “поддержки демократии”, привлекли страны ЦА к программе НАТО “Партнерство ради мира” (ПРМ), оказывали центрально-азиатским государствам содействие в формировании вооруженных сил и сил безопасности.

Однако переломным пунктом стала осень 2001 г., когда известные события 11 сентября создали условия, чтобы впервые в истории в ЦА появились американские военные базы и воинские контингенты. При этом руководители стран ЦА неоднократно отмечали, что они дали согласие на их размещение без возражений со стороны российского руководства.

Действительно, Президент РФ В.В.Путин стал первым из мировых лидеров, кто от имени российского народа выразил Президенту США Дж.Бушу-младшему соболезнования в связи с

трагическими событиями 11 сентября 2001 г. и предложил помощь.

Российская сторона оказала США и другим участникам антиталибской коалиции немалое содействие в области транспорта, разведки и обмена опытом ведения боевых действий в Афганистане.

Однако уже в тот период стали появляться настораживающие признаки, а именно – проявление политики двойных стандартов со стороны США и их западных союзников.

Если по поводу контртеррористической операции в Чечне американские представители еще воздерживались от заявлений с осуждением “нарушений прав человека” и “чрезмерного применения военной силы” в этом российском регионе, оставив выполнение данной функции прессе и НПО, то применительно к КНР президент Буш-младший отказался охарактеризовать организации, осуществляющие теракты в Синцзянь-Уйгурском автономном районе КНР, как террористические, утверждая, что их организаторы – не террористы, а лишь “сепаратисты”.

Очередная заметная коррекция вектора отношений произошла после известных драматических событий в узбекском Андижане.

Тогда американские и европейские официальные представители обрушились с критикой на руководство Узбекистана и пытались вмешиваться во внутренние дела страны.

В ответ ее руководство добилось вывода с территории Узбекистана американской военно-воздушной базы, размещенной там в период подготовки и проведения антитеррористической операции в Афганистане.

Вскоре на саммите ШОС и Россия, и Китай, и центрально-азиатские участники этой организации потребовали от США определиться с конкретными сроками пребывания американ-

ских военных в ЦА, то есть фактически эти две великие державы, непосредственно граничащие с данным регионом, выступили единым фронтом против “единственной сверхдержавы”.

Речь не идет в этой связи о назревании некоего вооруженного конфликта в рамках треугольника Россия – Китай – США. У России, и у Китая есть немало и других точек трения с Соединенными Штатами. Выше уже отмечалось, что объективно США превосходят и Китай, и Россию по ряду параметров национальной мощи. Однако ЦА – это тот самый регион, где относительная слабость двух других углов “треугольника” компенсируется их близостью к нему. И отнюдь не только географической.

Народы ЦА долгое время жили вместе с россиянами в едином государстве. Разумеется, не стоит идеализировать прошлое, но все же века совместного проживания наложили свой отпечаток на менталитет народов. У центральноазиатских народов также имеется немалый опыт общения и с китайской цивилизацией и тоже не всегда позитивный.

Эти народы в не меньшей степени, чем россияне или китайцы, не приемлют грубого, ускоренного и, тем более, насильственного навязывания им не вполне привычных ценностей пусть даже с самыми благими намерениями. Тем более, что последнее вызывает в свете происходящего в Ираке большие сомнения.

Во всяком случае, в ответ на вопрос, что Америку интересует в ЦА в большей степени – установление демократии или же ее природные ресурсы и геостратегическое положение, западные дипломаты благоразумно молчат.

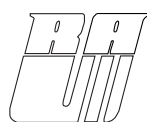
Следует подчеркнуть, что сильно заблуждаются те, кто рассматривает Центральную Азию и расположенные в ней государства как неразумный и бесслес-

ный объект в сложной системе сотрудничества-соперничества мировых центров. Зависимость и уступчивость или, напротив, самостоятельность и упорство государств определяются отнюдь не только их экономическими, технологическими или военными потенциалами.

В конечном счете, историю стран делают их народы. А успех приходит тогда, когда руководитель страны верно угадывает внутренние устремления и чаяния народа, пусть даже и не всегда осознанные. За прошедшие полтора десятилетия у народов Центральной Азии сформировалась своя собственная государственность. И эти страны, эти народы зорко присматриваются к тому, что им могут предложить их ближние и дальние соседи, постепенно все лучше осознавая свои собственные интересы. Наилучший прием и поддержку с их стороны следует ожидать тому, чьи действия в наибольшей степени будут отвечать этим интересам.

Примечания

- ¹ *Бажанов Е.П.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007.
- ² *Штоль В.В.* НАТО: динамика эволюции. М.: Научная книга, 2002.
- ³ *Шутов А.Д.* На руинах вековой державы или агония власти. 1991–2003 годы. М.: Вече, 2004. С. 251–258.
- ⁴ *Кулматов К.Н.* Мир в начале XXI века. Размышления российского дипломата и ученого. М.: Известия, 2006. С.153–161.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
ОBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru